

Вера
ЛЮБИМОВА
Ольга ДАШКОВА

РАЗВОД

Я выбираю себя

Вера Любимова
Ольга Дашкова
Развод. Я выбираю себя

<https://litres.ru/74619814>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Я хочу развод.
- Развод, – повторил это слово как плохую шутку. – Да куда ты пойдешь, Ника? Серьезно. Куда?
- Это моя забота.
- Твоя забота. Ты вообще понимаешь, как ты живешь? Квартира – моя. Машина – моя. Отпуск в Италии, шуба в шкафу, клиника, где ты зубы лечишь – все это кто оплачивал?
- Я работала все пять лет.
- Работала! Консультантом. За свои, копейки ты бы снимала комнату где-нибудь на окраине. Я дал тебе жизнь, Ника. А ты что дала мне?
- Я молчала. Не потому что не знала, что ответить. А потому что знала: что бы я ни сказала – он уже решил, чем это закончится.
- Ничего, – ответил сам. – Скучная, вечно со своей работой и своими принципами. Думаешь, я не знал, что ты придешь сегодня с тортиком и своей новостью? – Предсказуемая как часы. Пять лет одно и то же.

Содержание

Глава 1. Торт	4
Глава 2. Все все знали	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вера Любимова, Ольга Дашкова Развод. Я выбираю себя

Глава 1. Торт

Я купила торт.

Глупо, да? Но когда Лариса из HR сказала мне, что отдел переходит под мое руководство, первая мысль была именно об этом – о торте. С клубникой, такой, какой папа всегда брал на праздники. Он говорил: *«Никуша, хорошие новости надо заедать сладким, иначе они улетают»*.

Папы нет уже шесть лет. А привычка осталась.

Розовая коробка грела руки сквозь тонкие перчатки. Март в Москве – это не весна, это издевательство: слякоть, серое небо и холод, который забирается под пальто и остается там жить. Но я почти бежала к метро, и мне было тепло.

Я хотела сделать сюрприз. Надо же – *сюрприз*.

Павел не любил, когда я приходила раньше времени. Это я знала. Умом – знала. Но сегодня было особенное, хотелось поделиться, хотелось увидеть его лицо, когда он услышит.

Пять лет я работала в «Прогресс Консалтинг», пять лет ездила в командировки, засиживалась до девяти, тянула про-

екты, которые другие бросали. И вот – руководитель отдела. Двадцать девять лет. Почти тридцать.

Думала, Паша обрадуется. Думала много чего.

В лифте поправила волосы в темном отражении металлической двери, каштановые, длинные, слегка растрепанные от ветра. Накрасила губы в красный прямо там, на ходу. Паша говорил когда-то, что красный мне идет. Это было давно. Но я помнила.

Ключ вошел в замок тихо. Я умею тихо, выросла в большой квартире, где папа работал допоздна, я старалась его не будить, старая привычка.

Они были в спальне. Я поняла это раньше, чем открыла дверь. Сначала был звук. Негромкий, почти неразличимый, но я жила с этим мужчиной пять лет и знала каждый звук этих стен.

Встала в коридоре. Розовая коробка с тортом – в руках. Ноги – ватные.

Потом услышала голос. Женский. Он смеялся. Легко так, беззаботно смеялся. Такой смех бывает, только когда тебе хорошо и ты знаешь, что тебе ничего не грозит.

– Твоя мегера еще не скоро, – сказал женский голос. – Расслабься.

Мегера?

Стояла в собственном коридоре с тортом в руках и слышала, как меня называют мегерой в моем же доме. На моих простынях. Рядом с моим мужем. Пальцы сжались. Картон-

ный бок коробки слегка промялся.

Не прошла вперед.

Не знаю почему. Наверное, ноги просто не пошли. Или что-то внутри, то место, где раньше было сердце, уже все поняло и решило за меня: не надо. Не надо видеть. Достаточно слышать. Этого уже достаточно на всю оставшуюся жизнь.

Поставила торт на кухонный стол. Красиво. Аккуратно. По центру. Как будто это имело значение. Достала телефон, написала сестре: «*Можно я сегодня у тебя?*»— и убрала обратно.

Потом подошла к окну и стала смотреть на улицу. Слышала, как в спальне зашуршала одежда. Голоса стали тише. Потом — щелчок замка ванной. Вода. Через десять минут мимо кухни прошла женщина.

Молодая. Моложе меня. Светлые волосы, короткое платье, каблуки в руке, несла, чтобы не цокать по паркету. Умная, значит.

Девушка увидела меня, не смутилась. Только чуть приподняла бровь, с тем особым выражением, которое означает: *а, так ты и есть та самая*. Скользнула взглядом сверху вниз по пальто, по сумке, по лицу и вышла, тихонько приотворив дверь.

Я смотрела ей вслед. И почему-то именно этот взгляд, не звук из спальни, не слово «мегера», а вот этот скользящий равнодушный взгляд, ударил сильнее всего.

— Ника.

Павел стоял в дверях кухни. В домашних брюках, в моей любимой серой футболке, я подарила ему на день рождения три года назад. Волосы влажные после душа. На лице ни вины, ни растерянность.

Раздражение. На нем было раздражение. Как у человека, которому помешали закончить важное дело.

– Ты чего так рано? – спросил муж.

Я посмотрела на торт. На него. Снова на торт.

– Повышение дали, – сказала тихо. – Хотела сюрприз.

Павел вздохнул. Именно – вздохнул. Как вздыхают, когда ребенок снова разлил молоко.

– Ника, – начал тем голосом, который я знала наизусть. Голос «сейчас я тебе объясню, как все устроено на самом деле». – Давай без театра. Взрослые люди, можем поговорить спокойно.

– Она часто у нас бывает? – спросила.

– Это не твое дело.

Три слова. Просто три слова – и что-то внутри меня тихо перевернулось.

– Не мое дело, – повторила. – В моей квартире. В моей постели.

– *В нашей* квартире, – поправил он жестко. – Которую я купил, если ты забыла.

Я не забыла. Он никогда не давал забыть.

– Паша, я хочу развод.

Слова вышли неожиданно даже для меня. Ровно, без дро-

жи. Как будто я репетировала их давно, просто сама не знала. Он посмотрел на меня. Потом – засмеялся. Коротко, без веселья.

– Развод, – повторил это слово как плохую шутку. – Да куда ты пойдешь, Ника? Серьезно. Куда?

– Это моя забота.

– Твоя забота, – Паша прошел к холодильнику, достал воду, отпил прямо из бутылки. Не торопясь. Давая мне понять, что я не та проблема, на которую стоит тратить силы. – Ты вообще понимаешь, как ты живешь? Квартира – моя. Машина – моя. Отпуск в Италии, шуба в шкафу, клиника, где ты зубы лечишь – все это кто оплачивал?

– Я работала все пять лет.

– Работала! – поставил бутылку с таким звуком, будто поставил точку. – Консультантом. За свои, восемьдесят в месяц ты бы снимала комнату где-нибудь в Бутово и ездила в маршрутке. Я дал тебе жизнь, Ника. А ты что дала мне?

Я молчала. Не потому что не знала, что ответить. А потому что знала: что бы я ни сказала – он уже решил, чем это закончится.

– Ничего, – ответил сам. – Скучная, вечно со своей работой и своими принципами. Думаешь, я не знал, что ты придешь сегодня с тортиком и своей новостью? – Он кивнул на розовую коробку с такой усмешкой, что мне захотелось закрыть ее руками. – Предсказуемая как часы. Пять лет одно и то же.

– А ты думал, что я буду делать? Когда ты откладывал все, о чем я просила? Ребенка – «не время». Поездку к маме – «у меня встреча». Просто поговорить вечером – «я устал, Ника, хватит уже».

– Ребенок! – Паша поднял глаза к потолку. – Боже мой. Опять. Ника, посмотри на себя. Ты хорошая девочка, правда. Аккуратная, исполнительная. Но ты – обычная. Понимаешь? Просто обычная женщина, каких миллион. Я думал, ты хотя бы это осознаешь.

Обычная. Слово упало, я почувствовала, как оно тонет в грудь. Именно туда, куда всегда бьют точнее всего. Папа говорил мне: «*Никуша, ты особенная*». Каждое утро. Каждый день, пока был жив. А потом его не стало. И я искала кого-то, кто скажет то же самое.

Нашла Павла.

Который пять лет тихо, по кусочку, объяснял мне, что особенной я не была никогда. Что таких как я миллион, и что мне крупно повезло, много что говорил.

– Выйди за рамки своей посредственности, Ника, – продолжал Паша с той особой ленцой, которая больше крика. – Найди себе ровню. Какого-нибудь менеджера, который будет счастлив от твоих тортиков и разговоров про ребеночка. Вам будет хорошо вместе.

– Ты изменял мне не первый раз, – это был не вопрос.

Паша не ответил. Не стал отрицать. Просто снова взял бутылку с водой. И это молчание сказало мне все, чего я так

долго не хотела знать.

Взяла пальто с вешалки.

– Ника, – сказал за спиной – уже другим тоном. Чуть мягче. Так говорят, когда вдруг понимают, что зашли слишком далеко. – Не делай глупостей. Остынь, переночуй у Светки, завтра поговорим нормально.

Застегнула пуговицы.

– Ты всегда возвращаешься, – добавил он. Спокойно. Уверенно. Как человек, который знает расписание поездов наизусть.

Открыла дверь.

– Павел, – сказала, не оборачиваясь. – Я купила этот торт, потому что хотела разделить с тобой хорошее. Потому что так делал мой папа. Потому что я пять лет верила, что между нами есть хоть что-то настоящее.

Пауза.

– Торт оставляю тебе. Остальное заберу завтра с адвокатом.

На улице было холодно. Я шла вдоль дома, потом свернула в сквер, потом просто встала под голым мартовским деревом.

Обычная. Слово все еще жгло. Глубоко, там, где не достать руками. Но под этим жжением – медленно, как первый лед по весне – что-то начинало трескаться. Что-то, что держало меня на месте пять долгих лет.

Вспомнила папино лицо. Его руки, такие большие, надеж-

ные. Как он встречал маму с работы и всегда спрашивал: «Ну, как ты сегодня, моя хорошая?» Не для галочки. По-настоящему.

Я искала это. Просто нашла не там.

Телефон завибрировал. Сестра: *«Конечно приезжай. Что случилось?»* Я написала три слова. Убрала телефон.

И первый раз за весь этот долгий страшный день заплакала. Не навзрыд, не в голос. Просто стояла и плакала тихо, как умею, и слезы были горячими на холодном мартовском ветру.

Где-то рядом женщина гуляла с собакой, пес стоял в луже и не хотел выходить, женщина смеялась. Шли трое подростков и о чем-то спорили. Парочка целовалась в припаркованной машине.

Мир продолжался. Без спроса, без сочувствия, просто шел вперед.

Торт с клубникой я оставила на столе. Пусть ест. Последний раз. Может подавится.

Хорошо. Подумала я. Обычные женщины, Павел, не возвращаются. Обычные женщины просто уходят и становятся кем-то, кого ты не узнаешь.

Глава 2. Все все знали

Света жила в пятнадцати минутах езды. Родная сестра, старше на четыре года, замужем, двое детей, уютная квартира в которой всегда пахнет едой и детским шампунем. Я любила к ней приезжать. Раньше любила. Когда можно было просто сидеть на кухне, пить чай и не объяснять ничего серьезного.

Сегодня объяснять придется.

Света открыла дверь раньше, чем я позвонила, видимо, смотрела в глазок. Увидела мое лицо и сразу отступила в сторону, пропуская. Ничего не спросила, просто взяла пальто, повесила, поставила чайник.

Я села за стол и уставилась в клетчатую скатерть.

– Паша? – спросила Света.

– Да.

– Измена?

Подняла глаза.

– Ты знала?

Она не ответила сразу, поставила передо мной кружку, села напротив, сложила руки на столе. И по этой паузе, по тому, как она подбирала слова, я все поняла.

– Света.

– Ника, я не знала точно. Я слышала разговоры. Краем уха, на твоём дне рождения в прошлом году, Сережины кол-

леги что-то говорили про Пашу и какую-то женщину, но я не была уверена, и ты такая счастливая была в тот вечер, я не хотела...

– Год. Год ты знала.

– Ника, я не знала *точно*...

– Год, Света.

Тишина. Чайник выключился, она встала, налила кипятка, поставила обратно. Долго возилась с пакетиком чая, дольше, чем нужно.

– Я думала, что вы справитесь, – сказала сестра наконец.
– Что, может, само... Ты так держалась за этот брак, Ника. Ты так его любила. Я не хотела разрушать.

– Он сам разрушил.

– Я знаю, – накрыла мою руку своей. – Я знаю, солнышко.

Я не убрала руку. Но легче не стало. Год. Моя родная сестра год носила это в себе. Улыбалась мне на праздниках, спрашивала про работу, слушала, как я жалуюсь на усталость и мечтаю вслух про ребенка – и молчала.

Около девяти вечера позвонила Ольга Нестерова. Мы дружим восемь лет, познакомились на курсах английского, сошлись характерами, вместе отмечали новые годы, вместе ездили в Питер на выходные. Я думала, что знаю ее как себя.

– Ника, Паша позвонил, – сказала без предисловий. – Он переживает. Говорит, ты ушла и не отвечаешь на звонки.

Посмотрела на телефон. Четыре непринятых от Павла, я не заметила.

– Отвечу завтра.

– Ника, ну подожди, – голос у нее был такой аккуратный, осторожный, как у человека, который идет по льду. – Ты сейчас на эмоциях, я понимаю. Но ты же умная женщина, давай трезво.

– Трезво? – повторила.

– Ну, смотри. Мужчины – они... ну ты же знаешь, Ник. Паша непростой человек, у него давление со всех сторон, бизнес, стресс. Это не оправдание, я не говорю, что он прав, но...

– Оля, – перебила я тихо. – Он мне изменял в нашей квартире, на нашей кровати. Не первый раз.

– Ты уверена, что не первый?

– Что? – я моргнула.

– Ну, ты говоришь «не первый раз», но ты *знала* об этом точно? Или это ощущения? Потому что одно дело – поймать, а другое – накручивать себя...

– Он сам не отрицал, – сказала. – Я спросила напрямую. Он промолчал.

– Ну, промолчал – это не признание, Ника.

– Оля, ты сейчас его защищаешь, – не сразу нашла слова.

– Я защищаю твои интересы! – в ее голосе появилось что-то нетерпеливое. – Ника, ты понимаешь, что ты теряешь? Квартира – его, ты сама говорила. Машина. Связи. Паша открыл бы тебе любые двери, ты только за пять лет не удосужилась этим воспользоваться, все сама, все честно, все через десять лет упорного труда. Это похвально, конечно, но...

– Оля, – перебила снова. – Ты сейчас говоришь мне, что я сама виновата?

– Я говорю, что в любых отношениях двое! – выпалила она. – Ты была холодная, Ника. Прости, но это правда. Ты всегда где-то в облаках, всегда работа, всегда принципы. Мужчины так не могут. Им нужно внимание, им нужно...

– Стоп.

– ...тепло, а ты вечно со своими проектами и дедлайнами...

– Оля, *стоп*.

Она замолчала. Я сидела и чувствовала, как внутри что-то перестраивается. Медленно, болезненно, как кость, которая срастается неправильно, и ее нужно сломать заново, чтобы стало правильно.

– Я поняла, – сказала ровно. – Ты на его стороне.

– Я на стороне здравого смысла...

– Нет. Ты на его стороне. И ты, наверное, тоже знала.

Пауза. Слишком долгая пауза. Слишком.

– Ника, это не...

– Спокойной ночи, Оля.

Нажала отбой и положила телефон экраном вниз. Восемь лет дружбы. Все это время я думала, что Ольга, это тот человек, которому можно позвонить в три ночи. Которая скажет правду, даже если правда горькая. Которая не выберет удобство вместо меня.

Оказывается, я и здесь ошиблась. Просто очень долго не

хотела этого видеть.

За стеной возились детишки Светы, кто-то упал с кровати и засмеялся. Обычный вечер в обычной семье. Я слушала этот звук и думала: вот оно. Вот чего я хотела. Ничего сверхъестественного: просто смех за стеной, просто кто-то рядом, просто дом, где тебе рады.

Неужели это правда было так много?

Мама позвонила на следующее утро.

Я знала, что позвонит. Павел умел работать с людьми, это я признавала даже сейчас. Умел быть обаятельным, умел казаться разумным и взрослым, умел объяснять чужими словами свою версию событий так, что она звучала единственно верной.

– Вероника, – сказала мама. Только по имени – значит, серьезно. – Мне звонил Паша.

– Я знаю, мам.

– Он очень переживает. Говорит, ты ушла, ничего не объяснила, не отвечаешь.

– Мама, он мне изменил.

Короткое молчание.

– Ника, – сказала осторожно. – Я не говорю, что это хорошо. Но ты же понимаешь, что мужчины... иногда...

– Мама.

– Ну послушай меня. Я прожила с твоим папой двадцать семь лет, я знаю, как это бывает. В браке случается разное. Главное, это сохранить семью.

Я закрыла глаза.

– Какую семью, мама? У нас не было семьи. У нас была квартира, общая фамилия и человек, который пять лет давал мне понять, что я недостаточно хороша во всех смыслах этого слова.

– Ника, ну ты же всегда была такой... – она подбирала слово. – Сложной. У тебя с детства так или все идеально, или никак. Может, ты слишком много требовала?

– Я требовала верности, мама.

– Это не единственное, что держит брак.

– А что держит?

– Терпение! Компромисс. Умение закрыть глаза на что-то, чтобы сохранить главное. Паша хороший муж в главном. Обеспечивал тебя, не бил, не пил.

– Не бил и не пил – это теперь планка для хорошего мужа? Или, может еще, за это нужно было каждый день ему говорить «спасибо» говорить?

– Вероника, не надо грубить.

– Мама, – мой голос предательски дрогнул. – Папа тебе изменял?

– Что? Нет, конечно.

– Тогда не сравнивай. Пожалуйста. Не надо говорить мне о терпении и компромиссах, когда ты сама ни одного дня не терпела этого. Папа любил тебя. Нормально любил. А я пять лет жила с человеком, который считал меня обычной и скучной, откладывал все, чего я хотела, и спал с другими

женщинами. Это не брак, мама. Это была красивая тюрьма.

– Ника!

– Я позвоню тебе, когда успокоюсь, – нажала отбой. Встала к окну.

За стеклом шел мелкий дождь, это был уже не снег, еще не весна. Москва в марте умеет быть красивой только на фотграфиях.

Я думала о папе.

О том, как он звонил мне каждое воскресенье без исключений. Как всегда знал, что происходит в моей жизни, и не потому что я рассказывала, а потому что он *спрашивал*. По-настоящему спрашивал, хотел знать.

Шесть лет его нет.

И все это время я искала не мужа, нет. Я искала человека, который спросит: «*Как ты, Никуша?*» – и захочет услышать ответ.

Нашла Павла. Который спрашивал только когда ему было нужно что-то от меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.